

Владимир
СОЛОВЬЕВ

РАЗРЫВ ШАБЛОНА

ТАЙНАЯ КНИГА
СМЫСЛОВ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ

Владимир Соловьев

Разрыв шаблона

«ЭКСМО»

2015

Соловьев В. Р.

Разрыв шаблона / В. Р. Соловьев — «Эксмо», 2015

2014 год оказался по-настоящему переломным для всей системы международных отношений. Конфликт на юго-востоке Украины и присоединение к России Крыма запустили цепь событий, исходом которых стала новая холодная война. Ее сторонами, как и прежде, являются Россия и Запад – в первую очередь США. Но почему это произошло? Почему американцы так болезненно отреагировали именно на действия России, а не, например, Китая или исламских фундаменталистов? По мнению Владимира Соловьева, причина – в религиозном характере этого конфликта, а в роли новой религии сегодня выступает демократия в ее американском прочтении. Когда Россия впервые после Ельцина заговорила о своем независимом пути, о необходимости идеологии, о «русском мире», в сознании новых миссионеров произошел разрыв шаблона. Американская доктрина не подразумевает наличия другого активного игрока на рынке идеологий. И когда он вдруг появляется, начинается новый крестовый поход.

© Соловьев В. Р., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Предисловие	6
Демократия как новая религия	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Соловьев

Разрыв шаблона

В коллаже на обложке использованы фотографии В. Соловьева: фотографы Ш. Юлдашев и А. Жабин

В коллаже на обложке использована иллюстрация: Rsinha/Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Соловьев В., 2015

© Озеров И., оформление, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Предисловие

Перед тем как перейти к основной теме этой книги, я хочу дать самый простой ответ на самый простой вопрос.

Будет ли Украина в НАТО?

Отвечаю: нет, не будет.

Хотите, чтобы я объяснил почему?

Объясняю.

Конечно, Украина может делать громкие заявления, проводить опросы населения, голосовать в Раде за закон об отмене внеблокового статуса и разрабатывать шестилетние планы реформ для достижения соответствия критериям НАТО и Евросоюза. Но не надо забывать, что НАТО – сложная бюрократическая организация, которая на деле готова ко всему, кроме войны. Вспомните – во время проведения операции в Ливии войска НАТО столкнулись со страшно могучей, нереально сильной, фантастически обученной и организованной армией Каддафи (здесь мы все вежливо посмеемся). После очень короткого периода боевых действий у военно-воздушных сил НАТО закончились боеприпасы, и они были вынуждены обратиться за помощью к американцам. Так что дальше уже, по большому счету, все зависело от американских складов и от американских военных. Иными словами, эта структура отлично подготовлена к политическим шагам, но отнюдь не к реальным боевым действиям.

Так вот, одна из глав договора НАТО гласит, что в Североатлантический альянс не могут быть приняты страны, у которых имеются локальные конфликты и/или спорные территории. Крым, как мы с вами хорошо понимаем, с точки зрения нынешней украинской власти является спорной территорией. Таким образом, если киевская власть признает Крым российским, то вряд ли это будет такая власть, которая захочет вступать в НАТО. А если не признает и будет продолжать заявлять свои права на полуостров, то вступить в НАТО попросту не сможет – всего лишь потому, что согласовать с большим количеством стран изменение одной из основных формулировок договора вряд ли представляется возможным.

Поэтому Крым помимо всего прочего – это еще и очень мощный сдерживающий фактор. Украина в НАТО может стремиться, может бежать, может топтать ногами, может царапаться когтями, может даже пытаться подмигивать обоими глазами сразу. Результат будет один и тот же. Как говорится в детском стишке: «Но ответил людоед: «Нет!» Хотя это ни в коей мере не помешает американцам напрямую разместить на Украине элементы своей военной инфраструктуры вплоть до баз – без всякого политеса и игр в вежливость со своими европейскими партнерами.

Что же касается Новороссии – вы хотите, чтобы я вам сейчас рассказал о сложных геополитических расчетах, о тонкостях, о разных планах? Ну какие-то планы есть наверняка. Но задайте себе вопрос: может ли государство Украина быть враждебным к России, если в составе этого государства будет находиться ряд областей с независимым федеративным статусом, с пророссийскими настроениями и со стремлением работать с Таможенным Союзом? Или наличие такого мощного федеративного субъекта, обладающего большими полномочиями, невольно и всю Украину будет оттягивать от Евросоюза, заставляя более чем взвешенно относиться к ситуации?

Вы думаете, я так и буду дальше отвечать на все ваши вопросы?

Нет.

Книга совсем не об этом.

То, что вы сейчас прочитали, – это, как говорили в стародавние времена, не сказка, это присказка. Сказка – впереди.

Сегодня в мире каждый второй – политолог. Раньше каждый второй был футбольным экспертом, специалистом по воспитанию детей, врачом. Теперь все стали профессионально разбираться в телевидении и в политике. В телевидении лучше, но о политике в последнее время говорят чаще. Про политику все всё понимают – и что собой представляют наши (и не наши) политики, и на какие деньги они живут, и какие они продажные (или неподкупные), и какие они умные (или глупые – последних обсуждают с особым удовольствием). И как на самом деле легко решить все проблемы мира.

Вранье, вранье и еще раз вранье.

Вранье в каждом слове.

Если бы люди так хорошо разбирались в политике и политиках, тогда и качество как политики, так и политиков было бы совсем иным. И все мы с вами жили бы совсем в другом мире. Разница в том, что сейчас, наблюдая за происходящим в их жизни, люди наивно думают, что они оказывают на это непосредственное влияние. Им так часто объясняют, что все зависит от них, говорят об их важности, призывают выйти на улицы... И вот люди, разгоряченные СМИ, выходят на площадь и начинают кричать: «Кто здесь власть?» И сами себе отвечают: «Мы здесь власть!» И им кажется, что жизнь от этого в момент изменится и они действительно станут властью.

А в это время другие люди, тоже разгоряченные СМИ, выходят на другую площадь и начинают кричать: «Любо!» – или: «Не любо!» И абсолютно уверены, что это они назначают членов правительства, которое потом определит их жизнь к лучшему. Люди не понимают, что они всего лишь участвуют в большом интерактивном театральном действе, поставленном даже не для них. Они лишь играют свою роль.

А что дальше?

Стали властью? Жизнь стала лучше? Конечно, можно говорить о том, что когда-нибудь она все-таки станет лучше. Сидящие в кабинетах ученые заведут умные речи про объективные исторические процессы и станут призывать всех анализировать события исходя именно из них. Сторонники марксизма будут все объяснять классовой борьбой, кто-то – интересами капитала; в какой-то момент все глубокомысленно поднимут палец вверх и станут рассуждать о том, кому выгодно. Ну и кому выгодно?

Кому выгодно то, что происходит на Украине? Кому выгодно то, что случилось с Ираком и Сирией? Что это – мировой еврейский заговор? Антисемиты из века в век поют одну и ту же песню, так что возникает ощущение, что евреи уж точно могущественней марсиан или таинственных пришельцев с альфа Центавра. Даже удивительно, почему при такой мощи их мировой заговор до сих пор не привел к окончательной победе мирового еврейства. Но этот вопрос, как правило, никто себе не задает.

По большому счету, обвинять мировой еврейский заговор – такая же глупость, как ссылаться на таинственные силы, управляющие всем, невидимые и недоказуемые, или на зеленых человечков. Не случайно в одном хорошем анекдоте говорится, что древние сибирские племена не знали о существовании евреев, поэтому все свои несчастья приписывали явлениям природы.

Современные политологи вместо мирового заговора ссылаются на прагматизм финансовых кругов, интересы катарского капитала, прямую финансовую выгоду производителей оружия. Но ни один из этих факторов не может убедительно объяснить феномен ИГИЛ. Или объяснить, почему, если финансисты и капиталисты так все контролируют, в какой-то момент создаваемые на их деньги и с их помощью политические движения выходят из-под контроля и зачастую причиняют своим спонсорам прямой ущерб. Ясно, что традиционный политологический анализ на самом деле бессилен. Анализируя то, что сейчас происходит в мире, с привычных позиций, мы не поймем, кто, зачем и в каких процессах участвует.

Вот смотрите. Летом 2014 года в Сирии был казнен американский журналист Джеймс Фоули. Ему отрезали голову. Сделал это гражданин Британии, проходящий под кличкой Джихад Джон. Совсем недавно этот человек был популярным рэпером, не жаловался на отсутствие денег. Снимал домик стоимостью под миллион фунтов. Какая у него может быть мотивация для того, чтобы заковать лицо балаклавой и отрезать голову другому человеку, достаточно близкому ему по культуре? Ведь нельзя сказать, что сам он получил какое-то иное воспитание.

А посмотрите на тех, кто взрывал башни-близнецы. Они что, были нищие, плохо образованные феллахи? Ничего подобного. Это люди из семей с приличным уровнем достатка. У них и самих были деньги. Они существенное время не нищенствовали в Америке да еще и смогли оплатить не самые дешевые курсы по подготовке пилотов.

Исследование множества биографий смертников показало, что, как правило, люди, совершающие террористические акты по религиозным мотивам, происходят из семей с более высоким образованием и более высоким достатком по сравнению со средним уровнем. То есть ясно, что они не за гуриями отправляются на тот свет. И ясно, что уж меньше всего на свете их волнует то, что их семьям останется 10, 15, 20 или 200 тысяч долларов. У них совсем другая мотивация.

Почему граждане со всего мира отправляются в горячие точки? Чтобы там гибнуть? Как хорошо известно – и это, в частности, показал вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины, – наемники с готовностью воюют за деньги, но совершенно не собираются за деньги умирать. Почему же вчерашние шахтеры, слесари, учителя, сельскохозяйственные рабочие как с одной, так и с другой стороны берут в руки оружие и стреляют друг в друга за, казалось бы, какие-то абсолютно абстрактные вещи. Ну неужели из-за того, на каком языке говорить людям на территории своего государства, стоит идти и друг друга убивать? Наверное, все-таки у них совсем иная, гораздо более глубокая мотивация.

И уж никак не объяснить этого деньгами Ахметова, Януковича, Коломойского, Порошенко. Да, можно себе врать и говорить, что с одной стороны там российские бандиты, а с другой – украинские бандиты. Да бандиты не пойдут умирать! Бандиты ходят грабить. Умирать они не собираются. Бандиты не организывают оборону городов, не выносят на себе обстрелы «Градами» и не борются за то, чтобы были предоставлены гуманитарные коридоры для выхода мирного населения. Бандиты не выступают по телевизору, объявляя: «Меня зовут так-то и так-то, это моя земля, и я буду стоять до конца». Бандиты этим не занимаются. Бандитам это неинтересно.

Да, бывает, что кто-то с той или другой стороны отбирает или угоняет чужую машину, и сразу в социальных сетях раздается хор возмущенных голосов. Омерзительный поступок? Конечно. На войне, к слову, такое часто происходит. Но ведь для того, чтобы угнать машину, воевать идти не обязательно. Мародерства, грабежи, изнасилования случаются на любой войне. Но это отнюдь не причина, по которой люди идут воевать, и уж точно не причина, ради которой люди готовы умирать. Так что же происходит? Почему до сих пор на планете происходят войны? Почему в противовес, казалось бы, простым и понятным политологическим истинам то тут, то там вспыхивают конфликты такого уровня и такого значения, что страшно просыпаться по утрам? Все просто. Дело в религиозном характере всех этих конфликтов.

Но эта простота совсем не та, какой кажется.

Наша проблема в том, что, как только мы слышим термин «религиозный», мы представляем себе традиционные религии, глубокомысленно киваем и говорим: «Ну да, конечно». Вот и сейчас, прочитав выше слова о религиозном характере конфликтов, вы наверняка тут же подумали, что я вам буду рассказывать про, с одной стороны, воинственные экстремистские направления ислама, а с другой – про христианскую цивилизацию.

Вы не угадали.

Не угадали даже близко. Это всего лишь один из аспектов. Но давайте посмотрим на проблему под другим углом. И в первую очередь обратим внимание на действующие принципы государственного устройства. Начнем, например, с такой основополагающей для современного мирового развития страны, которой являются Соединенные Штаты Америки. И посмотрим на те войны, которые ведут Соединенные Штаты, распространяя свой образ жизни, в течение последних хотя бы 30 лет. При этом я призываю вас сразу отказаться от заштампованного взгляда на мир, никого не проклиная, не считать империями зла, а просто спокойно проанализировать факты и слова, зачастую предваряющие эти факты или сказанные сразу после них.

Демократия как новая религия

Для начала – небольшой исторический экскурс.

Начну с серии вопросов, а вы, уважаемые читатели, будете мне на них давать умные ответы.

Скажите-ка мне, пожалуйста, кто у нас в России олицетворяет власть?

После небольшой паузы – правильный ответ: Путин.

Президент Российской Федерации; в настоящий момент – Владимир Владимирович Путин.

А является ли президент Российской Федерации также высшей религиозной властью в стране? Высшим религиозным или моральным авторитетом?

Тут, конечно, могут быть разные ответы, но, немножко подумав и вспомнив, что мы живем в России, все в конце концов придут к одному выводу: «Нет, у нас за это отвечает Патриарх всея Руси».

И я скажу: молодцы!

А теперь следующий вопрос: кто является руководителем церкви в Великобритании?

И вы, мои маленькие друзья, а также их родители, дадите на это умный ответ: «Действующий монарх». И добавите: «Но это же англиканская церковь!»

Ну да, что-то мы припоминаем. Там, кажется, когда-то жил король, который очень-очень любил женщин. Звали его Генрих, и стояла при этом имени какая-то довольно большая цифра. И кажется, этому Генриху в очередной раз не повезло с женитьбой, но Папа Римский ему сказал: «Дружище, хватит уже разводиться!» А Генрих обиделся и сказал: «Ах, так! Тогда у меня будет своя англиканская церковь».

Точно, воскликнете вы. Англия, Генрих VIII, Анна Болейн... Как же, как же. Но в современной Британии – тут же уточните вы – есть проблема с королевской властью. Там же премьер-министр отвечает за все. Значит, власть уже не сосредоточена в одних руках, как было раньше.

Но давайте-ка вспомним начало XIX века, когда Наполеон Бонапарт встретился с Александром I. По большому счету, в то время именно русский царь и возглавлял Православную церковь – после того как еще прапрадед Александра, Петр I, запретил избирать патриархов. Наполеон тогда позавидовал Александру. Сказал: «А вот у меня есть некий Папа Римский».

С тех пор прошло очень много лет. В Россию вернулся институт патриархов, в Англии вообще все стало совсем по-другому: королевский титул остался, по большому счету, замечательным атрибутом монархии, но перестал олицетворять собой власть – она теперь принадлежит премьер-министру. А вот что происходит в Соединенных Штатах Америки?

Бесспорно, мы с вами много раз слышали, что Америка – очень набожная, религиозная страна. Это, кстати, соответствует действительности. Чуть ли не каждый третий дом будет церковью, особенно где-нибудь в южных штатах. По воскресеньям можно с удовольствием наблюдать, как красиво одетая публика направляется в храм, чтобы по окончании службы всей семьей собраться за обеденным столом. Практически в каждой американской семье совместная трапеза начинается с благодарственной молитвы. И никакая политкорректность и толерантность не в состоянии лишить большинство американцев четкого ощущения, что слова «одна нация под Богом» – «one nation under God» – чистая правда. Не случайно на долларе написано «мы в Бога верим». И одновременное наличие большого количества масонских знаков на той же купюре никого не лишает душевного равновесия и не заставляет говорить: «Ну, это не совсем то, что вы думаете...» Нет. Американцы действительно верят в Бога. И, к примеру, мусульманское население Соединенных Штатов до сих пор гораздо менее многочис-

ленно, чем многим из нас может показаться после просмотра фильмов и знакомства с биографиями известных американских спортсменов, ставших приверженцами ислама.

Но в чьих руках сосредоточена главная сила в Америке?

И вы, конечно, мне скажете: в руках президента.

А кто является главным моральным авторитетом?

И вот тут вы с ужасом отметите, что в глубоко верующей стране США такого единого религиозного авторитета даже близко нет. И вдруг поймете, что на самом деле для подавляющего большинства американцев такой религиозной фигурой во многом является президент.

Почему?

Давайте разбираться.

Выборы президента Соединенных Штатов всегда помимо всего прочего подразумевают вопрос о верованиях кандидата. Как мы помним, перед выборами Барака Обамы общественность долго выясняла, кто он, христианин или мусульманин, и кем был настоятель церкви, в которую он ходил (с этим настоятелем тоже был связан громкий скандал из-за его высказываний). За всю историю Америки ни разу президентом не становился атеист. Мало того, нам с вами известен лишь единственный случай, когда президентом стал католик – это был Джон Кеннеди. Все остальные американские президенты принадлежали к протестантской конфессии. И это тоже очень важно для понимания того, о чем пойдет речь дальше.

Как мы знаем, у протестантов Папы нет. Нет единого духовного центра. Что, кстати, абсолютно соответствует внутреннему американскому устройству – власть там рассредоточена между штатами, и каждый штат, по большому счету, является во многом самостоятельным государством. Не случайно точный перевод названия этой страны, о чем я много раз говорил, – не «Соединенные Штаты Америки», а «Объединенные Государства Америки». Именно объединенные государства, каждое из которых делегировало некоторые свои полномочия центральному органу власти, но при этом сохранило и свою полицию, и выборы своего губернатора, и многие другие функции, скорее присущие в нашем представлении самостоятельному государству.

Именно поэтому фигура президента в Соединенных Штатах Америки в большей степени отражает представления американцев не только и не столько о внутреннем устройстве своей страны (где все очень консервативно и с трудом поддается изменениям, потому что многое зависит от каждого отдельного штата), а к ее проявлению вовне. Все, что относится к внешней сфере, как правило, ложится на плечи президента и его команды, и тут даже близко нет тех ограничений, которые сопутствуют любой попытке внести какие-либо новации во внутреннюю жизнь. Иначе говоря, во внешней политике возможности президента несравнимо шире и руки у него развязаны гораздо больше, чем в вопросах, которые относятся к внутренней политике США.

И давайте теперь мысленно перенесемся лет на 30, а лучше, для чистоты эксперимента, на 40 назад – в Советский Союз.

Что собой тогда – в середине 1970-х – представляла наша страна? Высшим авторитетом и высшей силой являлась Коммунистическая партия Советского Союза. Что и было закреплено в Конституции – самой демократичной в мире, как мы считали. И подтверждалось нашей прессой – как тогда говорили, самой независимой в мире, потому что она не зависела от частного капитала. К слову, не правда ли, забавно, как изменились представления? Все по Оруэллу. Теперь независимой считается пресса, которая не зависит от государства.

Сделаю по этой теме еще одну ремарку – исключительно в качестве умственной задачи для вас, дорогие читатели. Сможете ли вы мне объяснить, почему общественное телевидение (я не говорю сейчас о России) считается независимым? Ведь стоит лишь хорошенько представить себе, что такое общество, и тут же становится невозможно с уверенностью ответить, чем общественное телевидение по своей природе отличается, скажем, от редакторского. Кто при-

нимает решения, касающиеся политики канала? Не может ведь каждый член общества напрямую сказать, что ему нравится, а что нет. Все равно эта функция кому-то делегируется. Собственно говоря, общественное телевидение оказывается гораздо ближе к государственному, чем к частному, – и по тому, как принимаются решения, и по характеру проводимой политики. В конечном итоге все решает некоторый абстрактный назначаемый совет. А кем и как он назначается – механизм гораздо менее прозрачный, чем в случае частных структур.

Поэтому, когда мы говорим о средствах массовой информации, надо понимать, что по настоящему независимых среди них нет, не было и не будет. Всегда будут СМИ, независимые от чего-либо и очень даже зависимые от чего-либо другого.

Итак, вернемся в 1970-е. Мир четко поделен между двумя центрами силы. С одной стороны – Америка и американский президент. С другой – Советский Союз и генеральный секретарь ЦК КПСС. Вот это были два гигантских монстра, и вот когда наблюдалось настоящее, драматичное столкновение систем, столкновение идеологий, столкновение подходов.

Перед Советским Союзом стояла абсолютно религиозная задача распространения коммунистического учения. Как раз к 1970-м идея несколько выродилась и стала выглядеть более анекдотично, но в 1930 – 1950-е годы это было то, во что по крайней мере аппарат предпочитал свято верить и реализовывать. И вот на фоне этого противостояния выросло целое поколение советских людей – умных, образованных, интеллигентных, – которые были уверены, что Америка – это воплощение всего хорошего, а Советский Союз (точнее, Россия) – квинтэссенция всего плохого, превосходящая тем самым доктрину Рональда Рейгана об империи зла.

По отношению к Америке у тех, кого потом стали называть диссидентами – а впрочем, пожалуй, что и у большинства советской интеллигенции, – сложилось абсолютно религиозное чувство. Мы искренне считали, что Америка действительно печется о нас. Что Америке мы небезразличны. Америка думает о том, как нам живется – тем, кому не разрешают выезд, тем, кто смеет иметь другую точку зрения.

Нам казалось, что Америка – это такой земной рай, попадание в который означает моментальное решение всех проблем. Переезд в Землю обетованную – я имею в виду Израиль – не давал такого ощущения. А вот уехать в Америку – это было счастье. Жизнь удалась. Поэтому все, кто приезжал из Америки, воспринимались как посланники света. Они и как люди нам казались лучше, чище, правдивей. Чуть ли не ангелы. И все, доходящее до нас с той стороны земного шара, – истина в конечной инстанции, проявление их колоссальной заботы о нас.

Однако на протяжении 1990-х годов все эти прекраснодушные представления стали обочиваться диким разочарованием. После перестройки американцы поехали в Россию в больших количествах, и вдруг выяснилось, что они еще те жулики. Не все, конечно, – публика приезжала очень разная. Среди них было немало идеалистов, но были и авантюристы, и обманщики, и мошенники, и просто откровенные бандиты.

Но все это было чуть позже. А до того я прекрасно помню открытие «Макдоналдса» на Пушкинской площади. Если кто-то хочет мне сказать, что чувство, которое охватило москвичей, часами стоявших в очереди, чтобы причаститься, извините, бутербродом с котлеткой, не было религиозным, то я с этим человеком буду долго спорить.

Появление «Макдоналдса» в центре Москвы можно было сравнить, наверное, только с прилетом тарелочки с инопланетянами. Людям казалось, что, заходя в это заведение, покупая эту котлету, они уже чуть-чуть приобщаются к чуду. Еще немного, и «Макдоналдс» стал бы мироточить. Видимо, от мироточения его удержали высокие цены, которые по тем временам казались москвичам заоблачными.

Советский Союз исчез. Исчезла религиозная доктрина. И мы вдруг оказались потерянными, утратили смысл существования. Да и опыт реального общения с Америкой вдруг показал, что, кажется, все не так просто. Наши поездки в США и поведение американцев в мире, книги и несоответствие прочитанного увиденному, голливудские фильмы и наше собственное

изменившееся сознание вдруг заставили чуть более критично отнестись к догмам образца 1983 года об империи зла и стране добра.

Для того чтобы понять и проанализировать современную политическую, в том числе внешнеполитическую, жизнь, необходимо четко осознавать, что ответ может быть дан только с религиозной точки зрения. И Соединенные Штаты воспринимают себя как суперрелигиозная держава, относятся к распространению своих взглядов как к религиозной миссии и осуществляют эту задачу в абсолютном соответствии с законами миссионерской деятельности. Они несут во все уголки планеты свое видение демократии, свои представления – но не свой образ жизни, что принципиально важно, – точно так же, как все молодые религии распространяли свет своего учения. Мотивация одинакова и в том и в другом случае.

Как распространялись все молодые религии? Неужели вы считаете, что, когда на заре христианства миссионеры приходили из Римской империи, гораздо более развитой и технологически продвинутой, чем соседи, в варварские деревушки на далеком севере, их волновали верования варваров или качество их жизни? Разве они начинали с того, что говорили: «А давайте по-другому обрабатывать землю! Давайте по-другому устроим орудия труда! Давайте перестроим военные машины!»? Нет, они говорили совсем другие вещи. У них были другие задачи.

По большому счету, им было глубоко наплевать, как изменится жизнь варваров после того, как те примут христианство. Станут ли они жить лучше? Миссионеров это вообще не волнует. Они же не обещают новообращенным спасение их тел – они говорят о спасении их душ. Лучше стало, хуже – это вообще не тема для обсуждения. Какая разница? Важно, что до прозябающих во тьме невежества варваров было донесено учение.

Что, Крестовые походы ставили своей задачей привнесение западноевропейской культуры на Ближний и Средний Восток? Нет. Меньше всего на свете они хотели бы поделиться – не правда ли? – военными технологиями, меньше всего на свете они хотели бы поделиться тайнами медицины – если таковые вообще имелись, потому что арабская медицина в то время была поразившей. Нет, они шли с огнем и мечом. Они думали, что несут слово Божие, они шли освобождать Гроб Господень. Миссионеру наплевать, что будет с вашими телами, он борется за ваши души. Цель миссионера – не вылечить больных, не решить проблемы нищих, не напоить страждущих, а принести светоч идеи. Миссионер не занимается решением гуманитарных проблем. Это все о другом.

Но почему-то каждый раз, когда люди думают об Америке, им кажется, что она приходит, чтобы принести *american way of life* – пресловутый «американский образ жизни». Однако ни в одной стране, на которую Америка обратила свет факела статуи Свободы, никакой *american way of life* даже близко не утвердился. И поэтому очень забавно сейчас наблюдать за происходящим на Украине.

Понимаю, что слово «забавно» многих может огорчить и покоробить. Мы не привыкли описывать трагедии, происходящие вокруг нас, в подобных терминах. Но речь сейчас не о трагической стороне ситуации, а о комической. То, как украинские политики воспринимают Америку и американскую мечту, напоминает мне наших, российских, политиков, но только 25 лет назад. Тогда мы точно так же с открытыми ртами воспринимали любое слово, вылетающее из уст любого американского официального лица, как истину в конечной инстанции. Вдумайтесь – из Америки на Украину приезжает вице-президент Джо Байден и проводит совещание правительства независимого государства! И это никого не коробит.

Должно быть, сейчас вы начнете меня укорять за то, что я слишком критично говорю о Соединенных Штатах. Вы скажете, что на самом деле все не так, что они хотят нам только всего самого хорошего. Бесспорно. Осталось понять, что означает с их точки зрения это «хорошее». При этом я ни в коем случае не собираюсь преуменьшать значение Америки. Это действи-

тельно великая страна. Замечательная. Для жизни очень комфортная. Для человека, живущего в Штатах, мир прекрасен.

Только не надо путать. Римская империя тоже была великолепна – для жителей Римской империи. Но свет, который она несла за пределы своих границ, не обещал никакого рая покоренным народам. Они как раз платили по полной программе за великолепную жизнь граждан Римской империи. И, как вы хорошо помните, мои дорогие друзья, закон в Римской империи был превыше всего. Именно поэтому апостола Петра распяли, а апостолу Павлу усекли голову. Потому что Павел был гражданином Римской империи, а Петр – не был. В Римской империи, как мы знаем, декларировался гуманизм. Но гуманная казнь – через отсечение головы – была только для своих.

Тем, кто сейчас наивно думает, что «американцы *прийдэ*, счастье *принэсэ*», я советую приглядеться к жизни так называемых ассоциированных территорий. Они ближе всех подошли к воплощению вашей мечты. Вплотную подоברались к той заветной черте, когда еще чуть-чуть – и станешь следующим штатом. Они реализовали все устремления многих наших демократов жить в Соединенных Штатах и быть, правда, пока еще не полноценными гражданами, но хоть какими-то.

Я сейчас перечислю вам названия, а вы постарайтесь вспомнить, что вам известно об этих территориях: Восточное Самоа, Виргинские острова, Гуам, атолл Джонстон, острова Мидуэй, остров Навасса, атолл Пальмира, Пуэрто-Рико, Северные Марианские острова, остров Уэйк... Вы скажете: пустяки какие-то. Кого волнуют эти атоллы, там вообще никого нет. А я вам скажу по секрету, что очень даже волнуют, и хочу с вами вместе на эту тему порассуждать.

Если вы просуммируете общее количество людей, населяющих эти территории, вы получите этак скромно под 4 млн. человек, проживающих в достаточно неясном статусе. Что такое 4 млн. человек? Это больше, чем Крым с Севастополем, где жителей два с небольшим миллиона, это больше, чем Армения, это больше, чем Косово. То есть это, вежливо говоря, вполне себе страна.

Как эти ассоциированные территории оказались у США и в чем вообще двусмысленность ситуации? А я вам напомню, что в конце XIX века была война между Америкой и Испанией. В результате той войны испанские колонии перешли американцам. Но почему же признанные светочи демократии до сих пор не дали свободу этим колониям? Ведь часть территорий стала свободной – например, Филиппины, зона Панамского канала. Почему другим не повезло? Ведь, казалось бы, если американцы действительно продвигают идею равенства, братства и свободы, они в первую очередь должны были позаботиться об островах, которые стали их заморскими территориями. У них было ни много ни мало сто с лишним лет, чтобы привести тамошнюю жизнь в соответствие со своими представлениями.

Согласитесь, ста лет вполне достаточно, чтобы развить институты, воспитать поколения новых людей, побороть коррупцию, создать рабочие места, повысить уровень культуры. То есть достаточно для того, чтобы интегрировать новые территории в собственную страну либо отпустить их, дав им независимость. Но тут началась Вторая мировая война, и ряд этих островов перешел в руки японцев. Когда же их вновь освободили и выгнали оттуда все население, имевшее отношение к японцам или их поддерживавшее, то вдруг стало ясно, что это такие удобные, непотопляемые базы военно-морского флота США, что лучше не морочиться, а придержать их при себе. Плюс – отличная возможность поиграть в политтехнологические игры.

Но разве американцы могут себе позволить роскошь играть в политтехнологические игры? Они на стороне добра, они должны заботиться об этих территориях! Ясно, что там везде буквально райские кущи. Притом эти острова не вошли в состав Соединенных Штатов, а превратились в ассоциированные территории, что означает, что часть государственных функций добровольно отдана ими под управление США. Ну просто люди, которые там живут, сказали:

знаете, а вот мы не хотим быть независимыми. Мы хотим быть под Соединенными Штатами, но не гражданами.

Ситуация более чем странная. У жителей этих земель американские паспорта, но при этом они поражены в правах: например, не могут выбирать президента. Ими напрямую управляет конгресс. У Пуэрто-Рико есть собственный губернатор, однако верховная власть все равно принадлежит американскому конгрессу. У них есть Конституция, законодательная, исполнительная, судебная власти, но при этом общие с американцами гражданство, валюта и оборона.

Замечу в скобках, что у многих стран помимо США, которые сейчас критикуют Россию за Крым, есть или были совсем недавно свои заморские владения и ассоциированные территории. Так, Аруба и Кюрасао ассоциированы с Нидерландами; Сен-Мартен (он же Синт-Мартен) поделен между Нидерландами и Францией. Еще одно французское владение – Новая Каледония. Острова Кука и Ниуэ принадлежат Новой Зеландии. Государство Антигуа и Барбуда до 1981 года было ассоциировано с Великобританией. Гренада отказалась от любви с Великобританией в 1974 году, Сент-Люсия, а также Сент-Винсент и Гренадины – в 1979-м, Сент-Китс и Невис – в 1983-м. А наш Татарстан был ассоциирован с Россией с 1994 по 2000 год.

Теперь давайте посмотрим на некоторые цифры.

Северные Марианские острова – население всего лишь около 54 тыс. человек. По доходу населения официальных данных нет, уровень безработицы – 11 %. Микронезия: 106 тыс. человек, доход – 2000 долларов на душу населения, уровень безработицы 22 %. Маршалловы острова: доход на душу населения 1600 долларов, уровень безработицы – каждый третий. Республика Палау – практически нет безработицы, есть президент, нет политических партий, нет вооруженных сил, население 21 тыс. человек. Отлично себя чувствуют.

А вот Пуэрто-Рико, который ближе всех подошел к тому, чтобы стать штатом. Слово «Пуэрто» в переводе с испанского означает порт, «Рико» – богатый. Только он, к сожалению, не такой уж и богатый. Население 3 725 789 человек, площадь 9104 квадратных километра, неплохой ВВП – 70-й в мире, доход на душу населения 19 600 долларов. Правда, это все равно существенно ниже, чем средний доход гражданина США, составляющий около 50 тыс. долларов. Согласно американской статистике, даже самый бедный штат США, Миссисипи, в 2002–2004 годах имел доход 21 580 долларов в год на душу населения, что все равно выше пуэрто-риканских показателей.

Уровень безработицы в Америке на момент сбора данных составлял 6,9 %, а в Пуэрто-Рико – 13,9. Валовый внутренний продукт острова в 2004 году – 17 700 долларов на душу населения. Это колоссальный рост по сравнению с 2002-м (14 412 долларов). Если сравнить с аналогичными цифрами по основной территории США, то начиная с 1952 года ВВП на душу населения в Пуэрто-Рико неизменно составляет примерно треть от среднего американского. Всего треть!

В мае 2006 года в бюджете Пуэрто-Рико образовалась резкая нехватка денежной наличности. Это привело к закрытию местного министерства образования и 42 других правительственных учреждений. 1536 государственных школ были закрыты. 95 762 человека впервые в истории острова столкнулись с частичной остановкой государственного управления. Бюджетный кризис удалось разрешить заключением нового налогового соглашения.

Вообще вся ситуация выглядит изрядным кокетством. Грубо говоря, люди фактически отдали себя американцам, пожертвовав своими правами, а те их все равно не берут к себе. Помню, когда зашла речь об объединении Москвы и Московской области, было сказано: да, но ведь мы тогда должны перенести на Московскую область и все социальные программы, которые предусматриваются для жителей Москвы. Это же справедливо? Справедливо.

А тут говорят: нет, давайте не будем мелочиться, вы же ассоциированные территории, у вас и так все отлично. В 2000 году по распоряжению президента Клинтона была создана специальная комиссия по статусу Пуэрто-Рико. В своем докладе она подтвердила текущий статус

и рекомендовала предоставить гражданам острова право на самоопределение. Предлагалось выбрать один из трех вариантов: вхождение в США на правах штата, получение независимости или тот статус, который у них есть сейчас.

В 2012 году был проведен референдум о политическом статусе, который прошел в два этапа. На первом этапе 54 % пуэрториканцев голосуют за изменение политического статуса архипелага, а на втором этапе избирают новое политическое устройство. Идею о превращении Пуэрто-Рико в 51-й штат США поддерживают 65 % голосовавших. 31 % проголосовали за придание архипелагу статуса суверенного ассоциированного государства, и только 4 % – за полную независимость. Правда, некоторые данные разнятся. И теперь пуэрториканцы ждут решения конгресса США, чтобы стать 51-м штатом.

Смотрите, как интересно получается: то, в чем Америка упрекает Россию по поводу Крыма, она тихо и спокойно осуществляет сама. Просто если Крым стал независимым за два-три дня, при этом Россия не воевала с Украиной, то здесь собственную военную добычу, доставшуюся в результате империалистической, как сказали бы в советское время, и немножко колониальной войны между Испанией и США, американцы сто лет переживали, не довели до своего уровня жизни, но и не отпустили на свободу, а теперь сказали: а мы еще немножко подождем и, может быть, заглотим.

Получается, что всех тех, кто ждал от Америки благородства, честности, демократичности, отношения ко всем как к братьям и сестрам, она сожрала во время американо-испанской войны. А ведь в Евангелии четко сказано: «По плодам их узнаете их». Иными словами, смотрите на то, что сделано, а не на то, что сказано. Казалось бы, неужели так сложно Пуэрто-Рико дотянуть до уровня Штатов? Но нет, Америка забирает у Пуэрто-Рико возможность себя оборонять, напрямую через конгресс устанавливает с ним связь, выдает жителям паспорта, но запрещает голосовать.

Представьте, если бы мы сказали крымчанам: знаете что, крымчане, давайте вы будете ассоциированной территорией! Мы вам дадим российские паспорта, только вы будете такими квазигражданами. Участвовать в выборах российского президента вы не сможете, а тот, кого вы выберете для себя, на самом деле будет нашей марионеткой. Да, мы вас защитим своей армией, но в ваших основных избирательных правах вы будете поражены. Да и жить вы будете хуже, чем самый бедный российский регион, потому что за это мы ответственности не несем. При этом стандартам бизнеса и всему остальному вы обязаны соответствовать. Получится у вас или нет, не знаем, мы за это тоже отвечать не будем. Мы отвечаем за то, что у нас с вами единая валюта и оборона, а верховную власть будет осуществлять Госдума.

Разве это честно? Это что – демократические институты в действии? Это ответственность? Сомневаюсь. И вот сейчас, как я понимаю, тот же американский конгресс боится проголосовать за присоединение Пуэрто-Рико, потому что им будет нечего потом сказать. Просто одно дело – провозглашать, и совсем другое – брать на себя ответственность за людей, реализовывать то, что провозглашаешь.

Сто лет назад откушенные в результате американо-испанской войны страны так и не дошли до обещанного им счастья. Мало того, их откровенно и нагло используют как непотопляемые базы флота. Оборона – да. Прямое управление, когда надо, – пожалуйста. Но никаких политических свобод. То есть, как я уже говорил, нарушается основополагающее право гражданина: ты не можешь влиять на ту власть, которая реально управляет твоей страной.

Разве это не классический пример фарисейства? Иными словами, если случится война, ты пойдешь умирать за Соединенные Штаты, но не можешь избирать президента. Даже формально ты ничего не можешь сделать, потому что у тебя нет выборщиков, голоса которых будут считаться при выборах президента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.